

Андрей Стародубцев

Политическая лояльность или
экономическая эффективность?
Политические и социально-
экономические факторы
распределения межбюджетных
трансфертов в России

Препринт М-02/09

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2009

УДК 336.1(470)
ББК 65.9(2Рос)-1
С 77

Стародубцев А.В.

С 77 **Политическая лояльность или экономическая эффективность? Политические и социально-экономические факторы распределения межбюджетных трансфертов в России** / Андрей Стародубцев : Препринт М-02/09. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 28 с. — (Серия препринтов; М-02/09; Центр исследований модернизации).

Работа посвящена политическим и социально-экономическим факторам распределения межбюджетных трансфертов в Российской Федерации в 1990–2000-х годах. Используя модели, разработанные в русле политической экономии, автор выявляет интересы политических акторов при реализации данного политического курса. Исходя из результатов проведенного анализа, можно утверждать, что наравне с социально-экономическими факторами, существенную роль играют политические факторы: и в 1990-е, и в первой половине 2000-х годов федеральное правительство распределяло финансовые трансферты, исходя из необходимости обеспечения лояльности региональных элит.

Информация об авторе: Андрей Стародубцев — аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге, стипендиат Центра исследований модернизации (ЕУСПб).

Поддержка слабых или поощрение сильных?

Распределение межбюджетных трансфертов является важнейшей частью региональной политики, рассматриваемой как *система мер, с помощью которых общенациональное правительство стремится стимулировать развитие регионов страны*. Для её реализации необходимо, во-первых, создать объективные критерии оценки уровня социально-экономического развития того или иного региона, а во-вторых, избрать определенную стратегию реализации данного политического курса.

Анализ различных методик определения уровня социально-экономического развития регионов является проблемой прежде всего экономической науки, а потому не будет рассматриваться в рамках данной работы. В центре анализа политической науки находится выбор стратегии реализации региональной политики. Так, исследователи (Артоблевский, 2001; Пивоваров, 2002; Мельников, 2006) выделяют две основные стратегии региональной политики: 1) **поддержка наименее развитых регионов**; 2) **поддержка наиболее успешных регионов** (в литературе еще используют термины «компенсирующая» и «стимулирующая» региональная политика соответственно).

Для сокращения региональных различий в социально-экономическом уровне развития наиболее оправданной кажется поддержка отстающих регионов. Предполагается, что для ускорения их развития необходима финансовая помощь со стороны центральных властей, которая заключается не только в возмещении существующей разницы между расходными

обязательствами и объемом собранных доходов региональных бюджетов, но также во всесторонней инвестиционной поддержке регионов.

Однако исследователи и практики указывают на неэффективность данной стратегии, связанную прежде всего с отсутствием у правящих элит отстающих регионов стимулов к тому, чтобы отказываться от трансфертов, развивая собственную экономику. В краткосрочной перспективе им оказывается намного выгоднее функционировать за счет поддержки со стороны Центра, которая осуществляется посредством различных механизмов региональной политики, нежели реформировать региональную экономику, повышая ее эффективность.

Учитывая это, предлагается другая стратегия региональной политики, при которой отстающие регионы получают лишь минимально необходимую текущую финансовую поддержку, в то время как все основные государственные и частные инвестиции поступают в наиболее развитые регионы, обладающие, кроме того, более высоким потенциалом для дальнейшего развития. Таким образом, решается проблема принуждения региональных элит к реформированию экономики: трансферты, носящие целевой характер, поступают прежде всего в наиболее успешные с точки зрения результатов регионального развития регионы. Кроме того, часто инвестиционная поддержка Центром успешных регионов предполагает требование вовлечения в их экономические проекты отстающих регионов (как правило, соседних), которые могут быть полезны как территория для размещения необходимой инфраструктуры, источник добычи природных ресурсов и т. п. Таким образом, стимулирующая региональная политика не только развивает экономику успешных регионов, но также может способствовать «подтягиванию» части отсталых регионов.

Конечно, в реальной ситуации можно найти элементы обеих стратегий. Однако в то же время существует возможность говорить о доминировании какой-то одной из них на разных этапах развития региональной политики того или иного государства.

Умиротворить несогласных или поощрить лояльных?

В идеальном варианте реализация конкретных мер региональной политики зависит исключительно от социально-экономических показателей развития регионов. Однако, как показывают многие исследования, особенности реализации политического курса в той или иной сфере (вклю-

чая и региональную политику) зависят не только от социально-экономических, но и от политических факторов. Данная проблематика наиболее последовательно разработана в русле политической экономии, представители которой (см., например: Alesina et al., 1997) указывают на существование двух моделей реализации любого политического курса: идеологической¹ и оппортунистической. *Идеологическая модель* описывает представленный выше вариант зависимости политического курса от социально-экономических факторов. Предполагается, что у каждого политика, приходящего к власти, существует определенная идеология², в соответствии с которой он проводит определенный политический курс (подтверждение такой логики можно найти в Alt, Lowry, 1994; Hibbs, 1977). В свою очередь, *оппортунистическая модель* указывает на то, что главной задачей действующего политика (как президента, так и депутата парламента) является его переизбрание на следующих выборах. Следовательно, он будет проводить такой политический курс, который увеличит его шансы на следующих выборах (см., например: Nordhaus, 1975).

В самом общем виде оппортунистическая модель реализации политического курса направлена на достижение важнейшей политической задачи — *обеспечение лояльности элиты и населения того или иного региона* по отношению к различным действиям федерального Центра. Можно выделить два политических процесса, которые вынуждают общенациональное правительство добиваться подобной лояльности от регионов. Это происходит при наличии опасности территориальной дезинтеграции государства (возникающей относительно редко), а также во время общенациональных выборов (которые обычно проводятся регулярно).

В литературе довольно подробно разработана проблематика использования федеральных трансфертов как средства снижения уровня дезинтеграционных процессов внутри страны (Treisman, 1999; Захаров, 2003; Буланин, Щербак, 2005). Авторы статьи «Трансферты против сецессии: опыт Дании и России» (Буланин, Щербак, 2005: 80) предлагают следующий механизм подобного взаимодействия. Общенациональное правительство направляет дополнительные финансовые средства в регион, который заявляет о своем желании выйти из состава единого государства.

¹ В англоязычном варианте данная модель имеет название «partisan model», что можно перевести как «партийная модель».

² Термин «идеология» рассматривается здесь в значении, приписанном ему теорией рационального выбора, т. е. как способ восприятия проблем в соответствии с представлениями акторов о реальном и желательном устройстве общества.

На первый взгляд это выглядит как «покупка лояльности», однако подобные действия федерального Центра направлены на снижение конкурентоспособности регионов, что является обратной стороной активных финансовых вливаний Центра в региональный бюджет. Как следствие, происходит «прикрепление регионов к Центру»: издержки региональных элит в случае достижения ими полной финансовой автономии от Центра превосходят выгоды от получения ими дополнительных средств из федерального бюджета.

Однако региональная политика центральных властей может также служить основанием для возникновения идей сепаратизма. Так, довольно часто о желании своего выхода из состава тех или иных государств объявляют наиболее экономически развитые регионы, которые не удовлетворены тем, что механизмы межбюджетных отношений изымают у них часть доходов и распределяют в пользу экономически отсталых субъектов федерации. В качестве примера можно назвать провинцию Квебек в Канаде (Захаров, 2003). Для России важен пример Татарстана и Башкортостана, которые в течение 1990-х годов фактически обменивали свои требования о сепаратизме не только (и не столько) на трансферты из федерального бюджета, сколько на разрешение не перечислять в общенациональную казну федеральные налоги, взимаемые на территории этих регионов.

Кроме борьбы с сепаратизмом, федеральный Центр может использовать бюджетные трансферты с целью обеспечения необходимого, с точки зрения федерального правительства, результата общенациональных выборов. На основании результатов предыдущих выборов регионы делятся на две группы — лояльные и оппозиционные. Джоан Де Барделебен в своей работе «Бюджетный федерализм и как россияне голосуют» (DeBardleben, 2003) предложила два возможных варианта использования данной стратегии, которые можно обозначить как **«стратегия умиротворения оппонентов»** и **«стратегия поощрения друзей»**³. Данные модели дают ответ на вопрос о том, в какие регионы должны быть направлены финансовые средства из федерального бюджета: в те, которые известны своей наибольшей оппозиционностью или, напротив, наибольшей лояльностью. На первый взгляд, более логичной кажется стратегия умиротворения оппонентов, согласно которой федеральные власти должны производить дополнительные финансовые вливания в бюджет оппозиционных регио-

³ В работе Де Барделебен данные стратегии именуется соответственно «political co-optation» и «political cronyism».

нов. Данная позиция основана на представлении о том, что голосование за оппозицию является следствием неудовлетворенности регионального электората своим уровнем благосостояния. Следовательно, для увеличения электоральной поддержки федеральное правительство должно предоставить в распоряжение региональных властей дополнительные ресурсы, чтобы у тех появились возможности для проведения популистских мер социального характера. Однако постоянное использование Центром указанной стратегии может привести к негативным результатам. Региональные элиты фактически вознаграждаются федеральным правительством за провал проводимой им самой политики и, как следствие, за недовольство населения. Поэтому региональные элиты реализуют политический курс Центра по принципу «чем хуже, тем лучше» и не заинтересованы в изменении создавшейся ситуации. Более того, зачастую они уже не могут отказаться от этой «трансфертной зависимости».

Решением этой проблемы может стать использование стратегии поощрения друзей, которая предполагает создание системы вознаграждения лояльных регионов и наказания оппозиционных. В этом случае правительству оппозиционных регионов приходится прилагать усилия для достижения необходимых результатов общенациональных выборов в регионе, так как иначе региональный бюджет оказывается недостаточным для проведения первоочередных социальных мер, в результате чего региональные элиты оказываются под угрозой потери собственной власти.

Таким образом, в определенной политической ситуации экономическая обусловленность региональной политики Центра подменяется оппортунистической моделью реализации политического курса. Как политические факторы влияют на важнейший инструмент региональной политики Центра — безвозмездные перечисления финансовых средств из федерального бюджета в бюджеты субъектов Российской Федерации (также называемые «межбюджетные трансферты»)? Изучению этой проблемы на российском материале и посвящена данная статья.

1990-е: в поисках лояльности

Каким же образом распределялись федеральные межбюджетные трансферты в России в 1990-е годы? Для ответа на этот вопрос использованы результаты, полученные американским политологом Даниэлем Трейсманом и российским экономистом Владимиром Поповым.

Особенностью анализа Трейсмана является учет прямых и обратных трансфертов, то есть тех финансовых средств, которые перечислялись как из федерального бюджета в регионы, так и из региональных бюджетов в федеральный бюджет. В условиях межбюджетных отношений в России начала 1990-х годов это представляется чрезвычайно важным: данный период характеризуется острым дефицитом бюджетных средств на федеральном уровне, поэтому разный объем налоговых средств, оставляемых в региональных бюджетах для разных субъектов Российской Федерации, являлся не менее значимым механизмом региональной политики, чем перечисление прямых трансфертов. Поэтому Трейсман рассчитал объем бюджетных трансфертов как соотношение полученной региональным бюджетом безвозмездной финансовой помощи в расчете на душу населения (Treisman, 1996: 308).

Трейсман разделил все возможные факторы на «факторы предложения» («supply-side» factors) и «факторы спроса» («demand-side» factors). Факторы предложения описывают те цели, которые преследуют центральные власти, проводя свою политику по отношению к регионам, в то время как факторы спроса отсылают нас к «возможностям региональных элит лоббировать федеральные трансферты» (Treisman, 1996: 300–301). К социально-экономическим факторам предложения Д. Трейсман относит необходимость удовлетворения региональных потребностей и выравнивание региональных финансово-экономических возможностей. Политические факторы предложения, по мнению автора, включают в себя лояльность или оппозиционность региона на общенациональных выборах. Кроме того, к политическим факторам предложения относятся поддержка Центра со стороны местных политиков, осуществляющих экономические реформы. По мысли Трейсмана, факторы спроса связаны исключительно с лоббистскими возможностями региональных элит, которые выражаются в таких переменных, как посещение региона первыми лицами государства, наличие постоянного представительства региона в Москве, а также лоббистские возможности парламентских депутатов. В эту же группу вошли такие переменные, как наличие у региона более высокого на тот момент (по сравнению с другими регионами) статуса республики, принятие республиками деклараций о суверенитете, доля нерусского населения в этническом составе региона и т. д.

Результаты проведенного исследования показали, что *при распределении бюджетных трансфертов в 1992–1996 годах в России федеральный Центр ориентировался на стратегию умиротворения оппонентов.*

Согласно выводам Трейсмана, в наиболее выигрышном положении с точки зрения федеральных трансфертов оказались автономные республики, принявшие декларации о суверенитете, а также те регионы, в которых в течение длительного времени происходили забастовки. Кроме того, анализ Трейсмана проиллюстрировал, что значимой переменной являлся низкий уровень голосования за Бориса Ельцина на президентских выборах 1991 года. Хотя в условиях тяжелого социально-экономического положения значимыми являлись и такие социально-экономические переменные, как степень развитости социальной инфраструктуры и показатель среднедушевого дохода, однако уровень их значимости оказался намного меньше, чем у первых двух политических факторов.

В 1994 году наиболее значимым фактором распределения федеральных бюджетных средств стал показатель среднедушевого дохода в 1993 году, кроме того, ощущалось влияние других переменных социально-экономического характера (Treisman, 1998: 189–191). Данные результаты объясняются отсутствием федеральных выборов, в то же время федеральное правительство взяло курс на проведение эффективной социальной политики в условиях углубляющегося экономического кризиса. Различия между уровнем благосостояния граждан в различных регионах (например, нефтедобывающих и аграрных) были критическими, поэтому федеральный Центр начал политику межрегионального выравнивания путем вливания дополнительных средств в бюджеты наименее экономически развитых субъектов федерации. Однако влияние политических факторов продолжало оставаться значимым. К таковым переменным Трейсман отнес голосование за партию «Выбор России» на прошедших в 1993 году парламентских выборах, несогласие региональных элит с действиями Президента Ельцина во время событий сентября–октября 1993 года, а также показатель количества депутатов, избранных в одномандатных округах, рассчитанный на миллион жителей региона (Treisman, 1998, 1999: 61–64). При этом направленность влияния указанных факторов лояльности оставалась прежняя — большой объем финансовой помощи доставался наиболее оппозиционно настроенным регионам.

Говоря о результатах исследования, касающихся бюджетных трансфертов в 1995 и 1996 годах, стоит отметить, что этот период был особенно важным в политической жизни страны: в декабре 1995 года прошли выборы депутатов Государственной Думы, а летом 1996 года — выборы Президента России. В этих условиях произошло усиление интенсивности направления финансовых средств в наименее экономически развитые

регионы. Что касается политических переменных, то можно отметить высокую значимость в 1995 году показателя поддержки регионами проправительственной партии «Наш дом — Россия» (НДР), тогда как в 1996 году данная переменная уже не была значимой. По сути, это выглядело как покупка Центром губернаторов и их заместителей в состав партийного списка НДР: большой объем трансфертов получали те регионы, чьи губернаторы или их заместители входили в состав НДР. Кроме того, усилилось и влияние такого фактора, как доля депутатов от определенного региона, что проиллюстрировало активизацию действующих депутатов Государственной Думы, активно отстаивающих финансовые интересы «своих» регионов. Продолжала оставаться значимой переменная, описывающая уровень поддержки в регионах партии «Выбор России» на выборах 1993 года, но закономерность вновь была обратной: чем меньше голосов получила партия в регионе, тем больший объем средств был направлен в соответствующий региональный бюджет в виде финансовой помощи.

Наконец, 1996 год ознаменовался высокой степенью влияния таких социально-экономических факторов, как развитость социальной инфраструктуры, среднедушевой доход в предыдущем году, показатель региональной доли всего добываемого в России сырья и т. п. (подробнее см.: Treisman, 1999: 61–64). К значимым политическим факторам в 1996 году относились: наличие или отсутствие посещений региона Борисом Ельциным в период предвыборной кампании (факт таких визитов способствовал увеличению финансовой помощи); степень поддержки партии «Выбор России» на выборах 1993 года (чем меньше поддержка, тем больше финансовая помощь) и оппозиционность региона по отношению к Президенту РФ в период событий сентября–октября 1993 года (оппозиционные регионы получали больший объем финансовой помощи).

Таким образом, анализ Трейсмана позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, социально-экономическое положение региона имело значение для политики Центра. В ситуации сложнейшего экономического кризиса, когда большому количеству региональных правительств не хватало финансовых средств для удовлетворительного выполнения своих функциональных обязанностей, федеральный Центр вынужден был осуществлять функцию межрегионального выравнивания. Однако ориентация Центра на факторы социально-экономического характера предполагала достижение им своих политических целей, поскольку отмечалась взаимосвязь между низким уровнем жизни населения того или иного региона и его оппозиционным голосованием на общенациональных выборах.

Во-вторых, на всем протяжении анализируемого периода политика распределения межбюджетных трансфертов рассматривалась как возможность достижения Центром своих политических целей, а именно обеспечения лояльности со стороны региональных элит и населения региона. Именно этим обусловлен тот факт, что федеральное правительство обеспечивало дополнительное финансирование для оппозиционных регионов, реализуя стратегию умиротворения оппонентов. В этом свете трансферты необходимо рассматривать как средство фактического подкупа региональных элит и избирателей регионов.

К сожалению, исследование, проведенное Трейсманом, заканчивается анализом событий 1996 года. О том, как политические факторы влияли на распределение федеральных межбюджетных трансфертов в России после 1996 года, можно судить по работам российского экономиста Владимира Попова (Попов, 2003; Роров, 2004). Применяя иную методологию, исследователь проанализировал бюджетные трансферты, распределенные в России в 1997–1998 годах. Главное отличие данного исследования заключается в ином способе расчета зависимой переменной. Для того чтобы выяснить, «в какой мере финансовые потоки соответствуют объективным принципам бюджетного федерализма, а в какой мере они подвержены воздействию политических факторов», Попов рассчитал «идеальные трансферты», которые иллюстрируют то, какой объем трансфертов регион должен получать, исходя из его потребностей и из уровня экономического развития.

В результате Попов сделал следующие выводы. Как и в исследовании Трейсмана, социально-экономические условия, в которых находится тот или иной регион, оказывали влияние на сумму перечисляемой финансовой помощи из федерального бюджета или суммы отчисляемых «наверх» налоговых доходов. Однако «при учете воздействия этих объективных факторов все равно получается, что чистые межбюджетные трансферты преимущественно раздавались автономиям, прокремлевски голосующим регионам и более влиятельным субъектам федерации, у которых было меньше трений с федеральным правительством» (Попов, 2003). Таким образом, Попов подтвердил вывод Трейсмана о значимости политических факторов для распределения федеральных межбюджетных трансфертов, но его выводы о влиянии этих факторов были противоположными: автор отметил, что распределение средств происходило в соответствии со стратегией поощрения друзей.

Использование стратегии умиротворения оппонентов в 1994–1996 годах: попытка объяснения

Для того чтобы объяснить распределение бюджетных средств в пользу оппозиционных регионов, необходимо обратить внимание на то, какие регионы входили в группу «оппонентов», «врагов» Центра. Во-первых, таковыми являлись бывшие автономные республики, принявшие декларации о суверенитете, а во-вторых, регионы, в которых Ельцин и «Выбор России» получили наиболее низкие электоральные результаты на президентских и парламентских выборах 1991 и 1993 годов, соответственно. Распределение трансфертов в пользу этих регионов кажется абсолютно оправданным. Провозглашение суверенитета республиками — субъектами Российской Федерации могло привести к распаду единого государства по сценарию Советского Союза. В этой ситуации федеральные власти поступили традиционным для себя образом, а именно попытались купить лояльность республиканских элит с помощью дополнительных трансфертов. Кроме того, 1991 год прошел под знаком противоборства союзных и российских властей за автономные республики, что также принесло последним дополнительные дивиденды. Что касается распределения финансовой помощи в пользу регионов, проголосовавших против Ельцина и партии «Выбор России», то здесь, видимо, причина заключается в закономерном понимании федеральным Центром причин оппозиционности данных регионов, которые заключались прежде всего в низком уровне жизни населения. Очевидно, расчет Президента и Правительства заключался в том, чтобы повысить уровень лояльности путем решения существующих финансовых проблем региона, главной из которых являлась невыплата пенсий и зарплат работникам бюджетной сферы. В результате, распределив ограниченное количество финансовых средств между указанными регионами, федеральное правительство не имело возможности помогать лояльным субъектам Российской Федерации, что, видимо, и можно рассматривать в качестве главного объяснения в рамках той аналитической модели, которая представлена Трейсманом.

Причины изменения стратегии Центра после выборов 1996 года

Важную роль в изменении стратегии распределения бюджетных трансфертов после президентских выборов 1996 года сыграли три фактора. Во-первых, заметно снизилась угроза территориального распада стра-

ны. Большинство из заявивших о своем суверенитете российских республик стали активно участвовать в переговорном процессе с федеральным Центром, поддерживая его начинания в экономической сфере и обеспечивая необходимые электоральные результаты в ходе общенациональных выборов. Таким образом, некоторые республики из категории «оппонентов» перешли в категорию «друзей», продолжая тем самым получать дополнительные трансферты из федерального бюджета. Во-вторых, результаты президентских выборов показали невозможность прихода к власти коммунистической оппозиции: «Поражение Геннадия Зюганова во втором туре президентских выборов обозначило пределы электоральных возможностей партии, ассоциировавшейся в сознании элит и масс с прежним режимом» (Гельман, 2002: 20)⁴. Следовательно, произошло снижение неопределенности, которое способствовало более рациональному распределению Центром финансовых средств. Видимо, бюджетные трансферты действительно стали распределяться прежде всего в пользу наиболее нуждающихся субъектов федерации, а не в зависимости от уровня их оппозиционности. Наконец, третьей причиной я считаю осознание федеральными властями неэффективности дальнейшего финансирования оппонентов, которое фактически могло превратиться в их поощрение. Финансовые средства, поступающие из федерального бюджета, редко способствовали повышению уровня жизни населения, отчасти из-за реактивного характера их перечисления, отчасти из-за нецелевого использования этих средств на региональном уровне. Поэтому Центр начал распределять трансферты по двум каналам: 1) наиболее нуждающимся регионам; 2) тем регионам, с лидерами которых была достигнута соответствующая договоренность (а к таковым относились лидеры наиболее лояльных регионов). Во главу угла новой системы финансирования регионов был поставлен принцип эффективности, как экономической, так и электоральной. Именно поэтому федеральные власти реализовали реформу межбюджетных отношений. В результате сформированная система показала свою эффективность на выборах 1999–2000 годов, когда исполнительная власть смогла сформировать большинство в Государственной Думе и добиться избрания Владимира Путина на пост Президента России уже в первом туре голосования.

⁴ Конечно, нельзя забывать о победе КПРФ на парламентских выборах 1995 года. Однако «из-за подчиненного статуса парламента результаты этих выборов... не повлекли за собой ни формирование нового правительства, ни изменение его политического курса» (Гельман, Елезаров, 2000: 19).

Факторы распределения межбюджетных трансфертов в России: 1999–2006 годы

С 1998 по 2001 год в России проходила очередная бюджетная реформа (подробнее о формировании бюджетной системы России см.: Бюджетный... 2001). В условиях экономического кризиса федеральный Центр не мог продолжать прежнюю политику распределения финансовой помощи регионам, которые тратили средства по своему усмотрению. Поэтому на официальном уровне снова была поставлена цель формирования такой системы распределения финансовой помощи, которая основывалась бы исключительно на объективных потребностях регионов. В особой степени эта тема была актуализирована после прихода на пост премьер-министра России Евгения Примакова, который объявил это направление одним из приоритетных в своей деятельности. В дальнейшем эта политика продолжалась последующими премьер-министрами и стала одной из основ федеративной реформы Президента Путина, начатой им в 2000 году.

В результате был сделан важный шаг в сторону формирования системы межбюджетных отношений, которая основывалась бы на эффективности выполнения экономических задач развития государства. Однако стала ли новая система более объективной, освободилась ли она от посторонней ноши в виде выполняемых ею политических функций?

Для ответа на этот вопрос был проведен регрессионный анализ, переменные в котором конструировались, исходя из предложенных выше моделей реализации политического курса. Итак, возможны две модели определения объема финансовой помощи, направляемой в каждый субъект федерации: 1) ориентированная на социально-экономические факторы и 2) ориентированная на политические факторы. При выборе первой модели федеральный Центр может ориентироваться на одну из двух стратегий: а) поддерживать наиболее слабые субъекты федерации либо, напротив, б) поощрять трансфертами наиболее развитые регионы. Исходя из этого, можно построить две взаимоисключающие гипотезы:

1.1. чем менее благополучным является социально-экономическое положение субъекта федерации, тем больший объем трансфертов поступает в региональный бюджет;

1.2. чем более благополучным является социально-экономическое положение субъекта федерации, тем больший объем трансфертов поступает в региональный бюджет.

Второй набор гипотез связан с выбором федеральным центром модели учета политических (а в данном случае — электоральных) факторов. В этом случае также возможны две стратегии: а) умиротворение оппонентов; б) поощрение друзей. Следовательно, при учете электорального опыта можно предложить две политические гипотезы:

2.1. чем более лояльным является регион по отношению к доминирующим на федеральном уровне кандидатам и партиям, тем больший объем трансфертов поступает в региональный бюджет;

2.2. чем более оппозиционным является регион по отношению к доминирующим на федеральном уровне кандидатам и партиям, тем больший объем трансфертов поступает в региональный бюджет.

Определение благополучия социально-экономического положения регионов я осуществил путем введения трёх параметров:

1. показатель среднедушевого дохода в регионе;
2. показатель валового регионального продукта на душу населения;
3. показатель изменения валового регионального продукта.

В анализ вводятся социально-экономические показатели за год, предыдущий по отношению к тем годам, по которым анализируется распределение трансфертов. Подобное решение связано с особенностями разработки бюджета на очередной финансовый год, а также возможностями по сбору данных. Первая независимая переменная социально-экономического характера — среднедушевой доход в регионе — позволяет оценить уровень благосостояния населения каждого региона. Показатель валового регионального продукта на душу населения призван показать уровень развитости региональной промышленности. Наконец, для оценки тенденции развития используется показатель изменения валового регионального продукта.

На мой взгляд, в совокупности эти три фактора могут охарактеризовать социально-экономическое положение субъекта Российской Федерации⁵. Описательная статистика по предложенным выше переменным дана в табл. 1.

⁵ В анализе использованы случаи 79 субъектов Российской Федерации. Из генеральной совокупности были исключены случаи Чеченской республики и всех автономных округов, кроме Чукотского автономного округа, по причине отсутствия необходимой для анализа информации.

Таблица 1. Описательная статистика по включенным в анализ социально-экономическим переменным

Переменная	Год	Интервал значений	Среднее значение	Стандартное отклонение
Среднедушевой доход (в руб. на душу населения)	1998	317–4083	841,74	503,41
	1999	363–6857	1357,45	815,3
	2000	486–9285	1867,27	1127,02
	2001	882–12137	2517,77	1533,69
	2002	1171–12461	3392,83	1877,08
	2003	1402–16827	4338,62	2404,73
	2004	1757–20899	5287,35	2841,77
Валовый региональный продукт (в руб. на 10 000 человек населения)	1998	34,6–2467,6	168,3	275,8
	1999	54,2–4292,2	278,5	480,8
	2000	77–6112,2	379,3	677,1
	2001	80,9–8127,2	488,8	899,3
	2002	78,6–9933,0	600,3	1102,4
	2003	101,4–11814,5	814,7	1495,1
	2004	130,5–14397,1	924,7	1595,7
Изменение валового регионального продукта (в процентах к предыдущему году)	1998	78,4–107	93,4	5,17
	1999	92,3–125,6	105,3	5,81
	2000	84,7–178,7	109,8	9,48
	2001	90,1–129,4	106,6	6,10
	2002	79,8–142	104,0	6,78
	2003	77,2–125,9	106,4	5,39
	2004	92–128,5	106,7	4,96
	2005	85,6–112,5	104,8	3,63

Возможная политическая мотивация федерального Центра отражена в анализе в виде четырёх факторов: лояльности и оппозиционности голосования регионов на общенациональных выборах, как президентских, так и парламентских. Использовать данные только по одним из этих выборов не представляется возможным, так как в процессе принятия бюджета и, как следствие, в определении объема передаваемых в регионы трансфертов участвуют как депутаты Государственной Думы, так и действующий Президент РФ, контролирующий разработку бюджета через фактически подчиненное ему Правительство РФ, а также подписывающий закон о бюджете на очередной финансовый год. Поэтому в анализ были включены результаты голосования за Бориса Ельцина и Геннадия Зюганова на

выборах Президента РФ 1996 года, Владимира Путина и Геннадия Зюганова на выборах 2000 года и Владимира Путина и Николая Харитонов на выборах 2004 года. Процент голосов, поданных в поддержку Ельцина и Путина, рассматривается как степень лояльности региона на президентских выборах, процент голосов, полученных Зюгановым и Харитоновым, — как проявление его оппозиционности. При анализе парламентских выборов лояльность определялась сквозь призму региональных результатов голосования за списки «Наш дом — Россия» (НДР) в 1995 году, «Единства» на выборах 1999 года и «Единой России» в 2003 году. Степень оппозиционности проявлялась в голосовании за КПРФ на всех этих выборах.

Описательная статистика по предложенным переменным политического характера отражена в табл. 2.

Таблица 2. Описательная статистика по включенным в анализ политическим переменным

Переменная	Год	Интервал значений	Среднее значение	Стандартное отклонение
Показатель лояльности на выборах Президента РФ (в процентах голосов избирателей)	1996	32,05–79,8	52,0	11,8
	2000	25,1–85,4	53,7	9,01
	2004	54,8–98,2	71,78	8,7
Показатель оппозиционности на выборах Президента РФ (в процентах голосов избирателей)	1996	15,5–63,3	42,0	12,1
	2000	4,6–47,4	30,4	9,0
	2004	0,52–27,62	13,96	6,0
Показатель лояльности на парламентских выборах (в процентах голосов избирателей)	1995	3,4–43,6	10,1	7,27
	1999	1–70,8	26,4	8,9
	2003	25,7–76,1	38,3	10,2
Показатель оппозиционности на парламентских выборах (в процентах голосов избирателей)	1995	5,1–51,7	22,7	9,6
	1999	1,8–42,1	25,2	8,3
	2003	0,99–20,5	12,5	4,1

Отдельной проблемой является конструирование *зависимой переменной*, которая должна характеризовать объем ежегодных безвозмездных перечислений из федерального бюджета в бюджеты субъектов Российской Федерации. Очевидно, что в качестве такой переменной нельзя использовать абсолютные показатели межбюджетных перечислений, представленные в соответствующих законах о региональных бюджетах, так как сами регионы существенно отличаются по объему экономики, численности населения и

другим параметрам. Следовательно, существует необходимость скорректировать данную переменную с учетом этой специфики.

В связи с этим можно создать два варианта расчета зависимой переменной:

1. объем федеральных трансфертов, рассчитанный на 10 000 человек населения региона;
2. объем федеральных трансфертов, рассчитанный в процентах от общей суммы региональных доходов.

По сути, оба способа расчета реконструируют две возможные логики перечисления федеральных бюджетных средств в регионы. Первый способ показывает, насколько федеральные трансферты влияют на благосостояние жителей того или иного региона, а второй — в какой степени федеральная помощь определяет функционирование экономики данного региона (по сравнению с другими регионами).

Описательная статистика двух зависимых переменных представлена в табл. 3.

Таблица 3. Описательная статистика зависимых переменных

Переменная	Год	Интервал значений	Среднее значение	Стандартное отклонение
Объем федеральных трансфертов, рассчитанный на 10000 человек населения (в рублях)	1999	0–176271	9783,16	21948,77
	2000	0–224723,02	15002,94	30406,24
	2001	2140,58–382236,9	26258,87	45969,18
	2002	3318,41–512643,5	37729,82	61946,72
	2003	4346,14–569691,7	42927,47	68892
	2004	4275,62–480480,5	42911,83	61455,64
	2005	107,68–396846,3	51013,97	58833,86
	2006	1212,63–261416,90	56456,44	51398,22
Объем федеральных трансфертов, рассчитанный в процентах от общей суммы региональных доходов	1999	0–93,2	36,84	26,48
	2000	0–94,8	37,5	27,11
	2001	3,31–94,6	43,4	24,3
	2002	3,05–95,19	44,85	24,23
	2003	6,3–91,9	43,3	22,9
	2004	3,54–92,2	36,7	22,4
	2005	0,02–93,3	35,5	22,1
	2006	0,07–92,7	34,6	20,6

Динамика зависимости межбюджетных финансовых трансфертов от факторов социально-экономического характера показана в табл. 4 и 5.

Таблица 4. Влияние социально-экономических факторов на распределение межбюджетных трансфертов (зависимая переменная — объем трансфертов, рассчитанный на 10 000 человек населения)

Год	Среднедушевой доход	ВРП на душу	Изменение ВРП	R-square
1999	**		***	0,18
	10,03	5,40	-1420,58	
2000	*		**	0,11
	7,27	2,18	-1351,16	
2001				0,03
	7,23	0,39	-341,89	
2002	**		***	0,26
	8,24	0,23	4911,28	
2003	***		***	0,32
	10,89	1,54	3912,2	
2004	***			0,17
	7,97	3,34	2048,54	
2005	*		***	0,16
	4,02	-0,60	-3913,4	
2006	***	***		0,02
	0,23	-1,36	-2118,95	

Примечание: Здесь и далее в табл. 5–9: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Таблица 5. Влияние социально-экономических факторов на распределение межбюджетных трансфертов (зависимая переменная — доля трансфертов в сумме региональных бюджетных доходов)

Год	Среднедушевой доход	ВРП на душу	Изменение ВРП	R-square
1999	**			0,08
	-0,01	-0,00	-0,60	
2000	***			0,10
	-0,01	-0,00	-0,49	
2001	***			0,20
	-0,01	-0,00	0,08	
2002	***		**	0,26
	-0,00	-0,00	0,81	
2003	***			0,16
	-0,00	0,00	0,02	
2004	***			0,18
	-0,00	0,00	-0,4	
2005	***			0,22
	-0,00	-0,00	-0,36	
2006	***			0,22
	-0,00	-0,00	-0,53	

Из таблиц видно, что на протяжении всего анализируемого периода факторы социально-экономического характера имели довольно существенное значение в процессе распределения Центром бюджетных трансфертов. Однако направленность влияния социально-экономических факторов на объем выделенных трансфертов была неоднозначной и оказывалась довольно разной даже в течение одного и того же года, что может служить свидетельством отсутствия у Центра четкой идеологии региональной социально-экономической политики.

Кроме того, если рассматривать федеральные трансферты как инвестиции в социальную сферу (см. табл. 4), то очевидно увеличение количества регионов, по отношению к которым федеральные трансферты начинают распределяться в соответствии с социально-экономическими факторами в преддверии федеральных выборов (2002 и 2003 годы).

В таблицах 6 и 7 представлены результаты анализа влияния политических факторов.

Таблица 6. Влияние политических факторов на распределение межбюджетных трансфертов (зависимая переменная — объем трансфертов, рассчитанный на 10 000 человек населения)

Год	Лояльность на выборах Президента	Оппозиционность на выборах Президента	Лояльность на парламентских выборах	Оппозиционность на парламентских выборах	R-square
1999	-2294,68	-2828,84	502,02	431,97	0,08
2000	-3223,5	-3891,06	801,9	580,4	0,08
2001	29,32	88,84	22,35	-423,02	0,14
2002	138,68	311,21	3156,61	-545,47	0,15
2003	-55,20	366,39	3520,89	-810,48	0,15
2004	-201,23	468,75	3510,93	-665,76	0,17
2005	374,14	-1591	-939,76	1259,16	0,03
2006	1153,62	-394,22	-1228,75	1611,66	0,04

Таблица 7. Влияние политических факторов на распределение межбюджетных трансфертов (зависимая переменная — доля трансфертов в сумме региональных бюджетных доходов)

Год	Лояльность на выборах Президента	Оппозиционность на выборах Президента	Лояльность на парламентских выборах	Оппозиционность на парламентских выборах	R-square
1999			*		0,07
	-0,87	-0,52	1,05	0,43	
2000					0,11
	-1,67	-1,22	1,00	0,67	
2001			***	***	0,40
	0,28	0,74	1,86	1,31	
2002		*	***	***	0,43
	0,44	0,86	1,77	1,34	
2003			***	***	0,43
	0,43	0,75	1,73	1,26	
2004			***	***	0,39
	0,29	0,69	1,64	1,08	
2005					0,03
	0,57	0,453	-0,14	0,856	
2006					0,01
	0,25	0,11	-0,10	0,62	

Политические факторы оказывали существенное влияние на распределение Центром межбюджетных финансовых трансфертов с 2001 по 2004 год. Однако модель предоставления этой помощи отличается в двух вариантах расчета зависимой переменной. Если при расчете безвозмездных перечислений на душу населения анализ иллюстрирует стратегию поощрения Центром лояльных регионов, то при анализе доли трансфертов в общей сумме региональных бюджетных доходов имеет место модель двунаправленного финансирования, предполагающая передачу Центром бюджетных средств как наиболее лояльным, так и наиболее оппозиционным субъектам Российской Федерации. Кроме того, в обоих вариантах анализа значимыми оказались парламентские переменные, то есть те, которые относятся к лояльности и оппозиционности регионов в ходе парламентских выборов, в то время как голосование регионов на президентских выборах не играло значимой роли при распределении межбюджетных трансфертов.

Какие же факторы — социально-экономические или политические — имели значение для распределения Центром финансовой помощи регионам после 1998 года и в какой мере? Для ответа на этот вопрос необходим анализ, включающий в себя переменные как политического, так и

социально-экономического характера. Его результаты представлены в табл. 8 и 9.

Таблица 8. Влияние политических и социально-экономических факторов на распределение межбюджетных трансфертов (зависимая переменная — объем трансфертов, рассчитанный на 10000 человек населения)

Год	Лояльность на выборах Президента	Оппозиционность на выборах Президента	Лояльность на парламентских выборах	Оппозиционность на парламентских выборах	Среднедушевой доход	ВРП	Изменение ВРП	R-square
1999							***	0,21
	-1414,9	-1731,05	482,83	552,46	8,42	6,09	-1400,04	
2000							**	0,15
	-3254,9	-3718,8	708,08	570,58	4,67	3,62	-1210,68	
2001								0,20
	643,96	728,09	2599,13	153,01	10,53	1,71	-531,23	
2002			***		***		***	0,40
	613,89	1361,79	3204,20	184,23	12,07	0,51	4626,96	
2003		**	***		***		***	0,52
	530,71	2809,81	4379,24	-787,32	31,01	1,96	4449,79	
2004			***		***		**	0,42
	1039,58	1861,31	4585,45	1068,77	11,94	3,37	2743,22	
2005					*		***	0,18
	400,83	-992,91	-944,17	739,26	3,75	-0,5	-3887,95	
2006								0,07
	1253,89	-150,99	-1161,08	1763,46	0,12	-1,44	-2078,64	

Результаты показывают, что социально-экономические факторы имели существенное значение с 1999 по 2005 год. Исключением здесь стал только 2001 год. Примечательно, что в 1999–2000 годах, в преддверии федеральных выборов, распределение финансовых межбюджетных трансфертов производилось в соответствии с идеологией «поддержки слабых», а с 2002 по 2004 год федеральный Центр, напротив, поддерживал экономически сильнее регионы. Расцвет такого подхода можно наблюдать в 2002 и 2003 годах.

Политические факторы оказывали влияние на распределение федеральных средств с 2002 по 2004 год. Если в 2002 и 2004 годах со стороны Центра имела место стратегия поощрения друзей, то в 2003 году, в период думских выборов, применялась стратегия двунаправленного финанси-

рования, когда финансовые средства распределялись между лояльными и оппозиционными регионами.

Сравним эти результаты с итогами анализа, включающего в качестве зависимой переменной перечисление финансовых трансфертов, рассчитанных как процентная доля в общей сумме доходов регионального бюджета (см. таблицу 9).

Таблица 9. Влияние политических и социально-экономических факторов на распределение межбюджетных трансфертов (зависимая переменная — доля трансфертов в сумме региональных бюджетных доходов)

Год	Лояльность на выборах Президента	Оппозиционность на выборах Президента	Лояльность на парламентских выборах	Оппозиционность на парламентских выборах	Среднедушевой доход	ВРП	Изменение ВРП	R-square
1999			*					0,13
	-1,26	-1,15	0,94	0,63	-0,01	-0,00	-0,75	
2000								0,16
	-2,26	-2,07	0,82	0,79	-0,00	-0,00	-0,53	
2001			***	**	**			0,44
	0,06	0,46	1,75	1,12	-0,00	0,00	-0,12	
2002			***	**	**			0,48
	0,16	0,59	1,59	1,07	-0,00	-0,00	0,50	
2003			***	***				0,45
	0,36	0,54	1,66	1,22	-0,00	0,00	-0,27	
2004			***	**				0,43
	0,12	0,45	1,52	0,91	-0,00	0,00	-0,3	
2005					*			0,25
	0,48	0,23	-0,23	0,81	-0,00	-0,00	-0,32	
2006					***			0,23
	0,18	-0,08	-0,13	0,67	-0,00	-0,00	-0,57	

Прежде всего, необходимо отметить несущественную роль социально-экономических показателей при распределении бюджетных средств. В то же время с 2001 по 2004 год можно наблюдать использование Центром стратегии политического двунаправленного финансирования — преимущества при распределении финансовых трансфертов получали как наиболее лояльные, так и наиболее оппозиционные регионы. При этом важнейшую роль играли показатели лояльности и оппозиционности в ходе парламентских, а не президентских выборов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в 1999–2000 годах федеральный Центр использовал идеологическую модель распределения межбюджетных трансфертов, однако с 2001 года в его политике проявились признаки использования оппортунистической модели. В связи с этим возникают два вопроса, нуждающиеся в объяснении, исходя из представленных результатов анализа:

1. каким образом можно объяснить реализацию модели двунаправленного финансирования в 2000-е годы?
2. по каким причинам произошла деполитизация процесса распределения межбюджетных трансфертов в 2005–2006 годах?

Стратегия двунаправленного финансирования в 2003 году и деполитизация трансфертов в 2005–2006 годах

Проведенный регрессионный анализ показал, что, как минимум, в 2003 году, а при расчете зависимой переменной как доли трансфертов в структуре региональных бюджетных доходов — с 2000 по 2003 год относительно большой объем средств из Центра стали получать не только наиболее лояльные, но и наиболее оппозиционные регионы, что можно назвать реализацией стратегии двунаправленного финансирования.

Как следует из сказанного ранее, выбор Центром той или иной модели распределения федеральной финансовой помощи основывался на нахождении им равновесия между поставленными целями и реальными финансовыми возможностями федерального правительства. Можно с полным основанием утверждать, что цели и приоритеты федерального Центра начиная с 1991 года оставались одинаковыми: 1) сохранение власти в руках правящей элиты; 2) улучшение социально-экономического благосостояния населения страны. Но если период 1991–1998 годов характеризовался скудными ресурсными возможностями федерального правительства, то начиная с конца 1999 года улучшение ситуации в экономике, достигнутое прежде всего благодаря положению дел на международных нефтегазовых рынках, способствовало увеличению финансовых резервов федерального Центра. В этих благоприятных для себя условиях правящая группа поставила перед собой завышенные цели: 1) динамичное улучшение социально-экономического благосостояния населения страны; 2) укрепление власти правящей элиты путем получения большинства в парламенте партией

«Единая Россия» и безоговорочной победы Владимира Путина на президентских выборах в первом же туре. Результаты анализа показывают, что изменившиеся экономические условия позволили федеральному Центру объединить обе политические модели распределения бюджетных трансфертов, направляя финансовые средства (объем которых значительно вырос по сравнению с 1990-ми годами) как в лояльные, так и наиболее оппозиционно настроенные регионы.

В целом же динамику проявления политических факторов в период с 1999 по 2006 год можно объяснить с помощью концепции «политического бизнес-цикла», разработанной экономистом Вильямом Нордхаусом в 1970-е годы. В своей классической работе «Политический бизнес-цикл» Нордхаус доказал, что «существует цикл реализации политического курса, предполагающий относительную скромность в первые годы (после выборов) и завершающийся «раздариванием» средств перед самыми выборами» (Nordhause, 1975: 187). Основным объектом реализации политического бизнес-цикла Нордхаус считал избирателей, которые в условиях демократического политического режима ретроспективно оценивают работу партий в межвыборный период.

Вводя эту концепцию в анализ распределения межбюджетных трансфертов, можно констатировать, что перечисление финансовых средств в пользу оппозиционных регионов в 2003 году, характеризующемся высокой степенью неопределенности, полностью описывается в терминах Нордхауса. Однако объектом политики федерального Центра являлись не только избиратели экономически слабых, а потому оппозиционных регионов, но и элиты экономически и политически сильных регионов, поддержка которых также была очень важна для Центра на этих выборах. Именно поэтому распределение федеральных трансфертов приняло характер двунаправленного «раздаривания» безвозмездных финансовых трансфертов — как избирателям, так и элитам. Сразу же после выборов, в полном соответствии с концепцией политического бизнес-цикла, политическое распределение средств сменилось ориентацией политики Центра на социально-экономические потребности региона.

Другим объяснением деполитизации результатов распределения трансфертов может являться ознаменовавшаяся выборами 2003–2004 годов консолидация российского политического режима. Результаты выборов показали, что в стране не осталось значимых политических акторов, способных составить альтернативу правящей элите. Это позволило Центру безбоязненно отказаться от учета политических факторов

распределения межбюджетных трансфертов в пользу учета, по преимуществу, социально-экономических факторов. Именно поэтому, возможно, при анализе распределения трансфертов в 2007–2008 годах (данные за этот период пока не опубликованы официально) мы не увидим взлета значимости выделенных выше политических факторов. Однако это вряд ли будет означать снижение роли политической борьбы в осуществлении бюджетного процесса. Скорее всего, можно ожидать, что проявят себя иные политические факторы, связанные с борьбой различных группировок элит за пределами электорального поля.

Заключение

Согласно принципам политической экономии, реализация любого политического курса содержит в себе как экономическую, так и политическую составляющие. Очевидно, что учет только одной из них (чаще всего — первой, так как расчеты политических перспектив и рисков до сих пор носят скорее интуитивный характер) приводит к радикальному расхождению запланированных и полученных результатов.

Особенно актуальным этот тезис кажется для развивающихся, реформируемых обществ. В этом случае речь идет не просто об управлении экономикой, но и её значительном изменении. На всем протяжении 1990-х годов российское федеральное правительство стремилось к созданию экономически эффективной бюджетной системы, но, вынужденное бороться за удержание власти, оно было ограничено своей зависимостью от региональных элит. Та же закономерность проявилась и в первой половине 2000-х годов. Мировой опыт показывает, что игнорирование политических ограничений в конечном счете может привести к смене власти. Именно это заставляет и политиков, и чиновников соизмерять свои реформаторские амбиции с реальными политическими возможностями, зачастую значительно замедляя темп модернизации общества.

Литература

Артоболевский С. (2001). Региональная политика, направленная на снижение территориальных экономических и социальных диспропорций в Российской Федерации: проект концепции, *Регион: экономика и социология*, № 1, с. 4–34.

Буланин Н., Щербак А. (2005). Трансферты против сецессии: Опыт Дании и России, *Мировая экономика и международные отношения*, № 11, с. 78–85.

Бюджетный (2001). *Бюджетный федерализм в России: проблемы, теория, опыт*. (<http://www.iet.ru/ru/byudzhetyi-federalizm-v-rossii-problemy-teoriya-opyt-2.html>).

Гельман В. (2002). Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России, в: В. Гельман, Г. Голосов, Е. Мелешкина (общ. ред.), *Второй электоральный цикл в России 1999–2000 гг.* М.: Весь мир, с. 10–42.

Гельман В., Белокурова Е., Борисова Н., Рыженков С. (2002). *Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991–2001*. М.; СПб.: Летний сад; ЕУСПб.

Гельман В., Елезаров В. (2000). «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации, в: В. Гельман, Г. Голосов, Е. Мелешкина (общ. ред.), *Первый электоральный цикл в России. 1993–1996*. М.: Весь мир, с. 13–43.

Захаров А. (2003). *E pluribus unum: очерки современного федерализма*. М.: Московская школа политических исследований.

Мельников Р. (2006). Федеральная региональная экономическая политика: стратегические альтернативы и пути реализации, *Федерализм*, № 2, с. 47–62.

Пивоваров Ю. (2002). Сжатие экономической ойкумены России, *Мировая экономика и международные отношения*, № 4, с. 63–69.

Попов В. (2003). Реформы бюджетного федерализма в России: первые итоги, *Мировая экономика и международные отношения*, № 4, с. 47–53.

Alesina A., Roubini N., Cohen G.D. (1997). *Political Cycles and the Macroeconomy*. Cambridge, MA; London: MIT Press.

Alt J.E., Lowry R.C. (1994). Divided Government, Fiscal Institutions, and Budget Deficits: Evidence from the States, *American Political Science Review*, vol. 80, N 4, p. 811–828.

DeBardeleben J. (2003). Fiscal Federalism and How Russians Vote. *Europe-Asia Studies*, vol. 55, N 3, p. 339–363.

Hibbs D. (1977). Political Parties and Macroeconomic Policy, *American Political Science Review*, vol. 71, N 4, p. 1467–1487.

Nordhaus W. (1975). The Political Business Cycle, *Review of Economic Studies*, vol. 42, N 2, p. 169–190.

Popov V. (2004). Fiscal Federalism in Russia: Rules versus Electoral Politics, *Comparative Economic Studies*, vol. 46, N 4, p. 515–541.

Treisman D. (1996). The Politics of Intergovernmental Transfers in Post-Soviet Russia, *British Journal of Political Science*, vol. 26, N 3, p. 299–335.

Treisman D. (1998). Fiscal Redistribution in a Fragile Federation: Moscow and the Regions in 1994, *British Journal of Political Science*, vol. 28, N 1, p. 185–200.

Treisman D.S. (1999). *After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Андрей Стародубцев

Политическая лояльность или экономическая эффективность? Политические и социально-экономические факторы распределения межбюджетных трансфертов в России

Препринт М-02/09

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 11.01.09
Формат 60x88 ¹/₁₆. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге (М-Центр)**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность. В составе М-Центра работают специалисты, участвовавшие в подготовке опубликованных ранее коллективных монографий «Европейская модернизация», «СССР после распада», «Нефть, газ, модернизация общества» и в ряде других исследовательских проектов.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук О.Л. Маргания
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук Д.Я. Травин